

ГЛАВА 2

Горный дух

Рысь, сова и подглядывающий Кочас — три встречи ожидали Айсэт в ее вылазках в лес в предрассветный час. Совам Айсэт радовалась, их золотые глаза хранили чашу. Птицы садились на верхние ветки и вертели круглыми головами, не крадется ли среди кустарников злой дух, подбираясь ближе к деревне, не нарушит ли он покой людей. Сова расправляла крылья и покрывала деревню снами. «Спи, малыш, кричит сова, золотая голова. Утром солнышко взойдет, сны сова твои возьмет», — напевали матери. С восходом солнца совы прятались в густых ветвях, и Айсэт считала застывшие коричневатые идолы, оберегающие людские сны в дневные часы.

Рыси тоже прятались на деревьях. Поднимешь голову, а над тобой развалилась пятнистая охотница и водит ушами с кисточками, решает, кто вторгся в ее владения — сестра или жертва. Гумзаг рассказывал, что раньше рыси частенько становились добычей жрецов.

В пятнах на шкуре разглядывали они рисунок звезд, что не могли увидеть подслеповатыми глазами. И будущее будто бы вырисовывалось так же четко, как и во внутренностях, которые извлекались ловким ударом ножа. Рыси стали прятаться от людей, сливаться с густотой крон, а глаза их вобрали игру бликов солнца в листве. Айсэт ловила себя на мысли, что она хотела бы обернуться рысью и раствориться в лесной глуши. А после забраться высоко в горы и заглянуть за их вершины. Но прятаться с ловкостью рыси удавалось третьему ее спутнику, самому постоянному и самому неожиданному.

— Н-еста, — прогнусавил Кочас, — Кочас н-нашел.

Он цеплялся за ветку руками и ногами, а голову свесил вниз, изогнув слишком длинную шею. Как огромная голова держалась на такой тонкой шее? Как глаза видели что-то, утопая под выступающим лбом и косматыми бровями. Если действительно бродили когда-то по их землям карлики-испы, то они явно забыли свое дитя, похожее на них всем: поросшими жесткими волосами головой и телом, выгнутой грудью, огромными кулаками и ступнями и крошечным ростом. Испы седлали зайцев и бесшумно сновали по лесу, наводя ужас на великанов, живущих в горах. Кочас и без зайца пугал народ. Особенно когда беззвучно следовал за ними по аулу, а после налетал, толкал в поясницу и гаркал скомканые в непослушном ритме словечки прямо в ухо.

— Айсэт далеко ходит. Но Кочас ходит тоже. Невесту ищет, ищет и ж-ждет.

— Тебя мать станет искать — Айсэт подавила вскрик. Кочас заставлял ее врасплох, хотя пора было привыкнуть

к тому, что он «ищет и ждет». Подавила и желание убежать. Подошла к дереву и протянула руку. — Пусть Кочас спустится. Дома есть лепешки. Вкусные.

Гумзаг учил, что с Кочасом надо произносить короткие фразы, говорить медленно и с добротой.

— Лепешки съел. С медом Кочас съел. Вчера. Утро сегодня.

Дурачок или нет, Кочас намекал на то, что Айсэт слишком рано выбралась в лес.

— Нашел невесту. — Кочас ударил кулаком по ветке и захихикал. Кривые ноги крепко держали его на насесте.

Айсэт поправила подол, проверила, не выпали ли травы. И двинулась дальше. «Кочас нашел невесту», — он повторял свою любимую фразу из раза в раз, выпрыгивая из-под куста или свисая с ветки. Кочас считал, что Айсэт его невеста. А Айсэт устала объяснять ему, что он ошибся. Что детская игра, о которой шептались все девчонки в деревне, запутала его, а смех жестоко обманул.

Кочас даже хихикал их смехом. Айсэт представляла будущие годы, окутанные болотным дурманом, и с ужасом видела себя. Вот она молодая супруга Кочаса, таррашившегося на нее во все глаза. Его не пугало пятно на щеке жены, или он вовсе не замечал его. Вот она мать, дети держат ее за юбку, жмутся к ногам. Заглядывала дальше, и вот она уже свекровь юной невестки, дрожащей перед страшной ведьмой, заходящей в дома к страждущим. После — седоволосая старуха, жующая губы и невысказанные за жизнь слова. И в каждом облике Айсэт металась от края до края аула и не могла выбраться за его пределы. Прочь. Далеко-далеко.

Дальше чем лес, чем горы, чем любая из рек, что обходят Гнилые земли стороной.

Или ближе, но столь же недостижимо, к морю, чьи волны набегают на каменистый берег и отступают, и шепчут сказки иных краев, людей и судеб. Айсэт хотела, чтобы отец всегда рассказывал ей о море. Но она росла, Калекут стал замолкать в ее присутствии, как полагалось мужчине, чья дочь подбиралась к брачному возрасту. Он готовился расстаться с ней, отпустить во взрослую жизнь, отягощенную готовкой, заботой о скоте, сбором урожая, послушанием и тревогой о детях, муже и его родителях. В одном селении, в одном болоте, в замкнутом, тугом кольце деревьев и запретов. С Кочасом и его хихиканьем. Ведь никто другой не взглянет на меченую девушку.

Если благодарность — тяжелое бремя, то что тогда любовь?

— Кочас ищет невесту, — сказал Кочас. — Айсэт ищет воду.

Айсэт не остановилась.

— Вода не может. Не та вода.

— Я пришла за травами, — бросила Айсэт через плечо, она не хотела слушать его. — А Кочас идет домой.

— Не травы. Не могут. Вода надо.

Айсэт пришлось остановиться, потому что Кочас упал с ветки. Она обернулась. Он сидел у дерева и махал руками, изображая птицу.

— Дух надо, у него вода поможет.

У Айсэт перехватило дыхание. Кочас отправлял ее к пещере!

— Дух забрал воду, она нужна невесте. Духу нужна невеста. Айсэт нужна вода, — Кочас частил, проглатывал

некоторые звуки, перемежал речь со смешками и раскачивался, все сильнее размахивая руками. Он явно изображал горного духа, которого люди представляли ветром или ястребом. — Вода прочь, болезнь пришла. Вода придет, болезнь прочь. — Кочас размахнулся, что хрустнули плечи, и запрокинул голову, ударившись о ствол.

Айсэт подошла к дереву, присела, часть собранной травы осыпалась на землю.

— Ты говоришь об источниках, Кочас?

Кочас наклонил голову, не опуская ее. На тонкой шее вздулись вены. Кожу Кочаса сплошь покрывали язвы и трещинки: он расковыривал ранки, не давал мазям помочь. Оттого шея походила на кору дерева. Он дернул головой и еще раз ударился затылком.

— П-птица, Айсэт, полетит, полетит, а потом, — еще один рывок, — упадет и не поднимется. Песню допоет и сгинет. Духу — невеста, Айсэт — вода. — Он резко опустил подбородок. — Айсэт сгинет. Нет Айсэт. Нет невесты. Одна вода... — Кочас широко распахнул рот. — Нельзя. Н-не надо. Тонет Айсэт. Горит! — он почти не шевелил губами, крик выходил прямо из горла. — Кочас нашел невесту. — Он вцепился в волосы Айсэт скрюченными пальцами. — Моя. Я нашел! Я увидел!

Айсэт осторожно вытянула волосы из руки Кочаса. Он отлично помнил о старой игре и считал, что Айсэт принадлежит ему. Он так часто твердил о своей невесте, что многие в деревне решили, что это лучший исход и для него, и для меченой. Но сейчас Айсэт дрожала не от глупой убежденности и сбивчивых речей Кочаса. Он, умышленно или нет, дал то, что она искала. Выход. «Вход, — поправила себя Айсэт, отступая

от нахмурившегося Кочаса, — мне надо в пещеру. Мне надо войти туда и отыскать источник. Тогда я смогу вылечить родителей».

Кочас кричал ей вслед:

— Я нашел! Я нашел!

Айсэт летела, подгоняемая его зовом. «Нашла, нашла», — вторило ее сердце.

Она размахивала руками почти так же, как Кочас. Проскочила мимо испуна. Ворвалась в терпкий аромат самшита — железное дерево охраняло вход в ущелье, — совершенно позабыв, что кора самшита тоже весьма пригодилась бы от лихорадки и головных болей. Айсэт неслась к высокому уступу, где рос дуб, закрывающий собой пещеру.

Лес переходил в покатые камни ущелья, как ручей — в большую реку, покрывая выросшие из-под земли скалы папоротником и лишайником, скрадывая острые углы и уступы под листьями лопухов. Путь вился из его сердца, и лес не спешил отступать, ветви смыкались над головой до тех пор, пока тропа не уводила вдаль и деревьям не приходилось освобождать место скалам, белым, слоистым, нагретым солнцем.

Не оттого ли она так легко поверила в бормотание Кочаса, что именно в этом месте оборачивалась солнечным светом, ветром и тенью облаков? И Гнилые земли отступали перед ощущением свободы.

Все в ее краях знали, отчего местность, в которой им выпало родиться, прозвали Гнилой.

«Давным-давно множество людей стекалось в наши земли, к лесу нашему, к деревне, — вели свое поучение старейшины. Их легенда начиналась мирно и красиво. — Били в священной роще среди буков и дубов

целебные ключи. И звались мы долиной Счастливых источников. Любую болезнь вбирали родники. Окунешься — и хвори как не бывало. Жил народ счастливо, в лесу много дичи водилось, по дорогам торговцы ездили, про источники друг другу рассказывали. Цветов было, ягод, трав вокруг! — Старики закатывали глаза и издавали протяжное „м-м-м“, будто сами наелись в те года ягод на долгий век вперед. Но „давным-давно“, о котором они рассказывали, случилось во времена их прадедов или прадедов их прадедов, если выбирать, кому из старейшин больше верить. Или в золотую пору героев, когда ходили по лесам испы, иныжи* и благословенные нарты**. А то и сами боги покидали вершины гор и покров облаков и спускались в богатые земли. — И жить бы да горя не ведать, если бы в пещере, что в горах наших раскинулась, не заточили боги злого духа. То не дед мой, не прадед, а прадед прадеда рассказывал. — Тут они снова вспоминали о временах, когда произошли эти события, и сводили брови к переносице. Детвора обычно сбивалась в кучу поплотнее и слушала уже внимательнее. — Никто теперь и не скажет, сам верховный Тха ли, Мезитх*** ли могучий, Кодас**** ли, в чьей силе удерживать море в берегах, наказал вора и убийцу, возжелавшего отнять самое дорогое у одного из богов. — И дальше каждый старейшина решал, какую напасть принес с собой наказанный

* Великаны. Иногда описываются как покрытые шерстью чудовища, иногда — как циклопы.

** Герои-богатыри.

*** Бог-покровитель лесов.

**** Бог моря.

дух: ураган, или потоп, или и то и другое вместе. — Пришла отовсюду вода, соленая, мертвая. Разлилась по округе. В лесу травы сгубила, животных бежать заставила, деревья в камень обратила. Вместе с водой поднялся ветер, черный, свирепый, безжалостный. Вырывал из гор камни, бросал во все стороны. Крыши с домов срывал, людей уносил. Оттого ураган бесновался, что духа нес. Никто не ведал, как выглядел злой дух, в человеческом облике или зверином гнал его гнев богов по нашим долинам, но слышали вой протяжный и разглядели в ураганном вихре очертания плененного чудища. Добрался ураган до ущелья, до пещеры, да проник в ее глубины, а после вышел, чистый, белоснежный, прочь устремился. Там, где рухнули камни на землю, встал каменный дом, в котором спрятали боги то, что украл у них дух, в напоминание: недоступно никакому злодею имущество богов. Оборвался вой, затянула духа пещера вместе со всяким звуком, и легла поверх печать молчания, чтобы не слышали люди и боги стенания проклятого. Сошла и мертвая вода с округи, да только с собой целебную воду унесла. Ушли источники под землю. А там, где от потопа соленая вода застоялась, образовались озера зловонные. Разнесли смрад свой по округе, а вместе с ним и вести, что нет в нашей земле больше благодати — нет родников, только семь гибельных болот голубых, в которых шепчутся призраки гнева богов. Звались мы долиной Счастливых источников, а с той поры Гнилыми нарекли наши земли».

Старейшина горестно вздыхал, и дети сквозняком подхватывали его вздох. Айсэт и сама дышала его тоской по прежним дням, которые были или не были,

но тревожили любого обреченного прозябать в Гнилых землях.

«Смельчаки к пещере пошли, — на этих словах старейшины приободрились, чтобы показать подрастающему поколению: что бы ни случилось, человек не сдастся. — Пробраться в сокровенные, темные ее уголки вознамерились. А вдруг там ключ, откуда воды целебные исток брали. Или подземное озеро, что вобрало в себя целительную силу. Многие пробовали добраться до логова духа. Да стоило войти им в пещеру, обратно не выходили. Поглощали их тьма и тишина. Днем крикнешь в зев пещерный — ни звука собственного голоса, ни эха не услышишь. Птица туда не залетала, зверь не забегал, змеи и те стороной ползли. И наша деревня, и соседние отправляли хабрецов в ущелье, мало стало мужчин, много — женских слез».

Дети понуро опускали головы. Айсэт помнила, что в детстве представляла, как из пещеры выбирается черный волк и пожирает тех, кто нарушает его сон. Порой волк в ее фантазиях и был горным духом, порой она принимала его за стража пленника богов.

«Когда поняли, что тщетны поиски, встретились мы с другой напастью. — „Мы“ значило, что каждый из деревенских, сколько бы времени ни прошло, разделял боль и страх предков. — Вместе с хмарью болота одарили нас болезнями. Жрецы наши с ног сбивались, да сами и гибли посреди чужих дворов от кашля, жара и язв на коже. Не ветер, так вода, не вода, так пещера, не пещера, так болезнь — от присутствия злого духа гниль пробралась повсюду, и мы будто бы гнили заживо. Пока предок нашего Гумзага, Мудрый

Тлепш*, названный в честь бога, не открыл тайну недугов. С лихорадкой забирались в нас болотные голоса и тянули к себе. Кого дозовутся, в топь утянут. Кого не смогут, иссушат болезнью. Придумал жрец особый заговор — и болезни будто бы приутихли.

Да только оказалось, что мало было бед нашим землям! Минул первый год с заточения горного духа, поднялась в мае на небо полная луна, и выбрался он по лесу бродить. Боги ли ему определили этот час, либо сам он лазейку находил из тьмы, да только криками полнилась эта ночь. Кровь невинных жертв наводнила рассветы, обглоданными костями забелел лес».

Волк Айсэт оказывался реальным, пещера не могла удержать его ярости, он вырвался на свободу, их проклятый богами сосед.

«Кости укладывал он возле испыуна чтобы мы знали, что нас ждет в будущий год. Ни магия жрецов, ни смелость мужчин, ни мольбы женщин не умирjali его голода. Налетал вихрем, не схватишь, не пронзишь клинком, не разглядишь, кем обернулась твоя смерть. Лишь блеснут золотые глаза, прежде чем кинется он на жертву».

Волк в мыслях Айсэт обретал крылья ветра, золотые глаза напоминали солнце, которое больше никогда не разгорится над человеком, подхваченным вихрем. Кем был горный дух на самом деле? Бесплотной тварью, не ведающей жалости, или плотью и кровью, приговоренной на вечные муки и оттого жаждущей переложить их на себе подобных?

* Бог кузнецов и врачевателей.

«Гнилые земли чуть не стали Кровавыми, запечатлевшись в сердцах и умах как земля великой скорби. Тех, кто был рожден под гнетом проклятия богов, не принимали в другие селения; и мальчиков, когда подходил срок, родители отдавали в одну из заключенных в границы деревень, но не могли подарить им свободу навсегда. Никто не приезжал из-за гор выбрать себе девушку в жены, и девиц ждала та же участь: навеки увязнуть в болотах и страхе. Много скорбных лет прошло, и однажды старейшины деревни, по мудрому совету Тлепша, жизнь которого уже стремилась к закату, собрались у пещеры, едва солнце за горизонт ушло, воззвать к духу, спросить, как унять его ярость. Тлепш создал песню, и спели старейшины духу такие строки:

*На высоком холме дуб могучий растет,
Кроной гордой своей солнце в сети плетет,
Корни в землю ножами вонзаются,
В сердцевине дорога скрывается.
Если спустишься вниз, если смелость найдешь,
То во мраке пещерном навек пропадешь.
Сердцу нечего видеть и глазу — смотреть:
Там нигде, никогда света ясного нет,
Лишь дорога чернеет на семь долгих дней.
Ты пройдешь наугад среди острых камней,
И, когда наконец озарит солнце взор,
Ты увидишь, как демон спускается с гор...*

То была половина призыва, что обратили старики к пещере. Гумзаг открыл ученице продолжение, но запретил петь ее кому-либо: «Песня эта будоражит

горного духа, снимает печати с его узилища. И тебе приходится или отдать ему то, что он скажет, или умереть».

Слова старейшин гасли, ударяясь в безмолвие пещеры вместе с надеждами. Но они пели день и ночь, упав на колени в единый круг, пели, пока не забрезжил рассвет и пасть не ожила. Тьма дохнула жарко, пророкотала звериным рыком, клекотом ястреба, шорохом ползущей змеи: «Коли так, раз в год в мою ночь приводите невест — выберу я самую красивую девушку ваших земель, пушу в пещеру и людей убивать в этот год более не буду».

И снова настало время плача. Но принесло оно и утешение. Что стоит одна жизнь перед многими? Одна погребальная песня перед сотней хвалебных.

Нашлись бы в мире края, где сказки оставались сказками? Долина Счастливых источников, куда люди приходили за чудесным исцелением, и прежде считалась легендой, став Гнилыми землями, вовсе обросла слухами и суевериями.

Все в деревне знали это предание. Все в деревне жили в нем.

«Дух на удивление держал обещание. Получая свое, более в майское полнолуние ни на кого не нападал, по лесу не шастал, в болота не заманивал и не заходил в деревню в поисках свежей плоти. Можно было бы проверить, что изменится, если не исполнить его требования. Но жрецы запрещали даже думать об этом. Прадед моего прадеда видел собственными глазами, на что способен дух в гневе, — вещал старейшина. — Поверьте, не захотите вы, чтобы он покинул пещеру. Земль и неба будет тогда нам мало».

Почтенных старцев слушали. Жрецам не перечили, духа боялись, а полнолуние, что приходило в мае, нарекли Ночью Свадеб.

Айсэт не разделяла веры Гумзага и тех, кто предшествовал ему. Хотя бы потому, что никто не спросил девушек: готовы ли они пойти на жертву? Не спросили семьи: кого из дочерей отдадут они с меньшей скорбью? Не спросили их матерей: что значит отдать дитя не в чужую семью, не в дом хозяйкой, не мужу в жены, но духу, что когда-то возводил у испуна частокол костей?

«Мы рожаем девочек гостьей в дом. Все мы уходили, все еще уйдем, — вспоминали женщины старые напевы, — где-то встретишь счастье, где-то — приют, девочку любую для служенья ждут». Никто не решался спорить со словом духа. Девушки облачались в белые платья год от года и ручьем тянулись к пещере. Им не приходилось карабкаться по скале, как это делала Айсэт во время своих вылазок. Под светом полной луны от подножия горы до самого дуба появлялись ступени, покрытые влажным мхом. Босые ноги зябли, но поднимались торжественно и осторожно. Девушки садились в круг у дуба. Жрец стоял у пещеры. Остальные толпились у подножия горы. Они давно уже не плакали и не стонали. Приносили с собой музыкальные инструменты, еду и питье и ждали, когда же дух определится. Вот выберет себе невесту — и можно остальные свадьбы играть тем, чье время уже подошло. Если и нервничал кто, почти так же, как девушки, так это будущие женихи: вдруг духу их красавица приглянется? Что же впустую кулаки сжимать да кинжал из ножен вытаскивать? Не пригрозишь духу, он из пещеры носа

не кажет. А войдешь в его уголья — так не невесту, себя потеряешь. Жених, если не повезло, смирялся. Девушки, хоть и отправляли их в пещеру, не переводились. А красоту стирало время. К чему терзаться, что не досталась красавица? У всех девиц, пока они девицы, тонкие талии, длинные косы, нежный взгляд, заговорят — заслушаешься, заживешь — привыкнешь. Пусть дух забирает лучшую, коли такова плата за жизнь прочих. А они к прочим приглядятся.

Но все же именно условие, что выбирал дух среди красавиц прекраснейшую, вносило в Ночь Свадеб еще кое-что. Мрачное удовлетворение. Избранная уподоблялась богине — грустная и гордая, украшала голову венком из цветов и к утру в одиночестве поднималась к пещере. Весь последующий день в деревне хранили молчание в память о ней, а после зажигали единственную свечу. Те, кто подбирался к заветному брачному возрасту, затевали игру: «Отгадай, кого выберет дух? Кто же самая красивая?» Хорошо, когда порой на скалу всходила одна-единственная девица от их деревни, — духу-то подавай все время новых. Выбрал — и нет больше красавицы, не выбрал — значит, в тот год из других аулов Гнилых земель привезли цветок подиковинней. А когда двое, или трое, или вот, как в этот год, сразу семеро — богатый урожай. Игра затягивалась на весь год, и обреченные девушки находили в ней странное веселье.

«Мамочка, если меня дух выберет, ты плакать станешь?» — спрашивала маленькая Айсэт, подпрыгивая на месте. Она старалась разглядеть, как девушки поднимаются по скале, но натыкалась на ноги взрослых.

«Не выберет, — отвечала мать. — А если и выберет, то сразу обратно вернет. Слишком ты своенравная и духа в рог согнешь».

Айсэт гордилась своей необыкновенной способностью сгибать злых духов в рог. Но с годами поняла, что Дзыхан просто жалела дочь, на которую зарится один только Кочас, но никогда не укажет горный дух. И теперь, карабкаясь к пещере, Айсэт готова была содрать с себя кожу, если бы это помогло переродиться с новым, чистым лицом. Ведь в ней вскипали слова Кочаса: «Духу — невеста, Айсэт — вода». Смелчаки перевелись, да и шли они в пещеру с иной целью; девушки боялись и поступали верно, потому что глупо не бояться смерти. А она бы пошла туда по доброй воле и с решимостью не страшиться гибели, но просить, умолять, валяться на земле перед духом, умереть любым способом, отдаться на его милость — сделать все, но избавить от боли отца и мать.

«А там, кто знает, может, душа моя обернется птицей и упорхнет из когтей духа. Полетит, — „к морю“, — шепнул ей в ухо голос отца, — и затеряется в просторе».

Айсэт нащупала уступ, где ждала пещера, зашпешила, поставила ногу неправильно и слишком рано перенесла вес тела с одной ноги на другую. Нога подвернулась, руки вцепились в плющ, росший поверх крошащихся камней, упустили неверную помощь. Айсэт охнула, воздух выбило из легких, тело отяжелело, потянуло вниз.

Айсэт увидела мамины руки, протянувшиеся к ней с высоты, выгнулась, пальцы заскребли по скале. Она не хотела падать, вовсе не хотела сорваться вниз и дать повод для новых шепотков, пусть они уже и не потревожат ее.

— Мама! — вскрикнула она.

Краем глаза Айсэт заметила птицу под облаками. Солнце вызолотило ее перья, обратило в луч света, рассекающий небо. Птица парила высоко, и сияние постепенно растворялось в синеве.

— Полетит и сгинет...

«Помоги», — взмолилась Айсэт. Руки ухватили ее за запястья, дернули вверх, протащили по острым камням и швырнули на уступ.

Одно мгновение показалось Айсэт длиннее всей прожитой жизни.

— Я не сомневался. — Гумзаг оглядел дрожащую ученицу и уселся под дуб. — Неужели наши девушки не далеки от истины? Ты решила предложить себя?

Айсэт приняла жесткие ладони Гумзага за мамины руки. Она уперлась лбом в землю, бледно-зеленая трава щекотала полыхающие щеки. У израненных пальцев правой руки рос тоненький цветок — полупрозрачный мак, отчего-то забывший, что ему положено быть красным, розоватым и скромным.

— И до тебя слух дошел? — еле слышно спросила она.

— Они громко смеются, ты же не умеешь скрывать печаль.

Айсэт тронула лепестки мака. Цветок качнулся в ее сторону, он согласился с Гумзагом.

— После твоих забот я полагал, ты отправишься спать, дочка, — Гумзаг не задавал вопросов и не ждал ответов, он просто говорил.

По стеблю цветка полз муравей, Айсэт положила палец на его пути, муравей обогнул преграду, переполз на другую сторону стебля. Лежать в грязном платье,

потной и лохматой, перед цветком и Гумзагом было лучше, чем спускаться в деревню и объяснять матери, отчего порван подол и изранены ноги.

— Стоило догадаться, что ты убежишь в лес. Встретить рассвет, набрать трав, прогуляться уже по лесу, не по теням.

— Но ведь и ты здесь, учитель. — Айсэт перевернулась на спину. — Не стал дожидаться молока и мяса.

— Я веду беседу с новым днем, — тут же ответил Гумзаг. Посох он прислонил к дубу, гладил ладонями траву. — Но, быть может, и ты пришла именно за этим?

И жрец, и Айсэт говорили намного тише, чем обычно. Трепетали ленты на ветвях дуба, раскидистая корона играла листвой. Шелеста они не слышали, пещера давно отобрала ее голос.

— В лесу я встретила Кочаса, — призналась Айсэт.

— Он бродит почти так же вольно, как и ты. Хотя все больше вслед за тобой, чем за собственной надобностью. Ты бежала от него? Не стоит тебе бояться, дочка, иногда слова — это просто слова, как бы много я ни учил тебя, что у каждого из них есть смысл.

— В этот раз в его словах был смысл.

— Неужели? Мне думалось, что ты убегаешь от него, а он ловит, а вы, оказывается, искали смысл. — Жрец ухмыльнулся в усы.

— Он напомнил мне о воде, учитель. — Айсэт снова слегка толкнула цветок, он закачался, соглашаясь с ее решением все рассказать Гумзагу.

— Вода — это хорошо. Вода связывает нас с жизнью и смертью, тебе ли не знать.

— О воде, что ушла, — продолжила Айсэт. Гумзаг напрягся.

— Ночь Свадеб скоро. — Он принялся поглаживать бороду. — Тебе полагается прихорашиваться, готовиться. А ты плутаешь меж деревьев да прыгаешь по горам. Да ныряешь в темные омуты. И все ищешь чего-то. Сдается мне, ты стала похожа на Кочаса. Как думаешь?

Гумзаг шутил. Значит, он нервничал.

Мак оказался у щеки Айсэт. Лепестки касались кожи, Айсэт разглядывала резную листву дуба, чуть выворачивала шею, чтобы поймать темное око пещеры, выжидающее и бесстрастное.

— Я собирала дурнишник для почтенного Олагая. Тетушка Гошан просила оставлять все необходимое у порога.

— Далеко же ты забралась от дурнишника и порогов, дочка, — произнес Гумзаг.

— Не дошла и полдороги до края, куда зовет сердце.

— И сорвалась с края. Сердце твоё беспечно.

— Быть может, оно училось летать, дедушка.

Гумзаг замолчал. Айсэт называла его учителем, потому что звать его по имени вслух ей не позволяло воспитание, а величать себя жрецом он запретил, выбрав Айсэт в ученицы вопреки недовольству деревенских. При них Айсэт обращалась к нему как положено, но в такие застывшие минуты их одиночества допускала куда более приятное старому уху «дедушка». И Гумзаг радовался ее обращению, какую бы глупость Айсэт ни говорила или ни творила. Вот сейчас ей стоило бы встать и оттряхнуть платье. Но она лежала, затаив дыхание.

— Что же гложет тебя на самом деле? — Гумзаг прижался затылком к стволу дуба. — Неужто недуг Дымука впечатлил? Дети болеют, Айсэт. Порой это пустяк,

в котором тревожные глаза матери видят прикосновение смерти, порой — настоящая болезнь. Мы гадаем по недугу, кладем на чаши весов вместе со своими знаниями и смотрим, какая перевесит. В селениях всегда есть гадатель, почтенный человек, знаешь ли. Смотрящие в звезды, смотрящие в баранью лопатку, смотрящие в фасоль. Для простого люда что звезды, что фасоль — и того и другого много, и рисунки их, рассыпанные щедрыми горстями, замысловаты. Почешешь голову, соединишь фасолины и что-то да скажешь. С лопаткой сложнее, но зато она тебе и остается в дар. Что ты разглядела в тенях? И главное, в чьих?

Айсэт все же встала. Подошла к пещере и протянула руку к границе между светом и тьмой.

— Матушка хворает, — она выдавила из себя правду. — Отец совсем плох. И травы не помогают, я перепробовала все снадобья, которым ты учил. Читала заговоры, но ничего не действует. Они гаснут, как звезды в рассветном небе.

— Звезды никогда не пропадают с небосвода, дочка.

— Я боюсь, что потеряю их. — Айсэт опустила руку. — Знал бы ты, учитель, что я вижу в их тенях.

— Я учил тебя опускать глаза долу, к земле, травам. Но ни вещей зверобой, ни бузинная горечь не подходят смотрящему в загробный мир. Ты решила отправиться в пучину теней, не так ли? Мало тебе того, что ты падаешь в них и пьешь их тьму, ты вознамерилась спуститься в их обитель. Кто остановит идущего на тот свет?... Что ты хочешь отыскать?

Волосы Айсэт взметнулись: из пещеры вырвался ветер. В каких глубинах он зародился и как сумел найти путь к свободе? Дыхание пещеры напоминало аромат

свежего луга, медового, напоенного солнцем и росой. Но за первым вздохом следовал другой: гнилью болот веяло из оскаленной пасти гор.

— Она зовет тебя?

Когда Гумзаг хотел, двигался легко и проворно. Вот он сидел под дубом, а вот, оставив посох прислоненным к стволу, — возле Айсэт всматривался в пещеру.

— Мой Шариф тоже любил приходить сюда. Пока не сослали, убежал к ней почти каждый день.

Сын Гумзага давно покинул деревню. Жрец отправил его учиться в далекий край, где говорили на другом языке и учили иной жизни. Все в деревне гордились мальчиком, который получит образование и вернется большим человеком. Айсэт не понимала, как учителю удалось вырвать сына у Гнилых земель, но, может быть, жрецы умели справляться с проклятиями, а может, дух после заключения договора удерживал в своих владениях только женщин. Не понимала она и то, зачем большому человеку возвращаться в их края, и чувствовала, что Гумзаг не жаждет возвращения сына.

— Он обещал вернуться, — Гумзаг повторял эту фразу всякий раз при упоминании о Шарифе. — Я обещал ждать. Но мы все знаем, что дороги людей друг к другу порой занимают целую жизнь одного из них.

— Ты сейчас говоришь и о моих родителях, учитель? — спросила Айсэт.

— И о них. И о сыне. И об этой пещере. А еще о мертвой траве, которую ты точно не использовала, — тон Гумзага переменился, он лукаво покосился на Айсэт.

Как нелепо она выглядела с разинутым ртом.

— Как же я так... — расстроилась она. — Как я могла забыть?

— Привычное дело, — весело сказал жрец. — Думается, мертвая трава и Дымуку сгодилась бы. И не пришлось бы мне бежать полдеревни под крики испуганной Гаши. А тебе — валяться на полу, подтверждая людскую молву о ведьме. Ты же посчитала, что вернее последовать совету мудрого Кочаса и кинуться в пещеру Безмолвия, отыскивать давно ушедшую воду, которую прячет злой дух. Но может быть, и старый учитель подскажет что разумное. Мертвой травой окури дом, а там посмотрим, в пещеру или на свет тебе идти.

Айсэт еле удержалась, чтобы не броситься Гумзагу на шею. Мертвая трава! Снимает даже самую сильную лихорадку, успокаивает кровь, выгоняет злых духов, проникающих в тело вместе с недугом. Нужно укутать больного в меха, уложить на горячие угли, смешанные с мертвой травой, и оставить в горьковатом пару, надеясь на то, что трава изгонит из тела хворь. Айсэт рассмеялась, смех полетел в пещеру и умер там. «Дура. Недоучка. Тоже мне, ведьма!»

Гумзаг одернул ее, не поругал, не заставил замолчать, просто добавил:

— Олагаю предложи. Мертвая трава всем в помощь. Она хворь связывает, силы восстанавливает. Научи Гошан, как настаивать. Раз уж до меня не дозваться, а до ученицы моей не снизойти. Ты еще успеешь собрать ее с росой, если перестанешь смотреть во тьму и глянешь на новый день.

Айсэт склонила голову перед старым мудрым учителем, завернутым в бурку:

— Я глупая, учитель, что бы ты ни говорил. Прости меня.

Он спрятал улыбку в густой бороде, в седине которой упрямо топорщилось несколько черных волосков.

— Всего лишь молодая. Кто из нас не хотел, чтобы годы родителей исчислялись звездами в небе. При этом взывая к свободе, которой не бывать нигде, кроме как в сердце. Ты спускайся осторожней, дочка. Во второй раз силы могут меня подвести.

— А ты, учитель?

— Я еще посижу. Меня не обвинят в интересе к пещере и тому, кто сокрыт в ней.

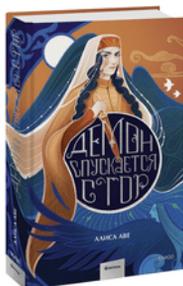
Айсэт опустила голову. Пятно ее запылало, и она не хотела, чтобы учитель заметил, как горит и левая, чистая щека.

— Ночь Свадеб скоро. Не стоит тебе бывать здесь, — Гумзаг мягко увещевал, словно поглаживая по непослушным волосам. — Придешь с остальными девушками. Травы полно и у подножия гор.

Айсэт вскинулась. Открыла рот — возразить, но Гумзаг остановил, подняв ладонь.

— Странная ты, дочка, а еще обижаешься, что о тебе люди говорят всякое. То рвешься в пещеру, то не хочешь к ней идти. Явишься, как и положено. Примешь, что готовит судьба. И будешь радоваться вместе с другими, какой бы выбор он ни сделал.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

